

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ И УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

1. В современных условиях стремительно растет число *практических* задач, решение которых невозможно без осмысления на *системной* основе *двусторонних* связей между *экономическими* и *социальными* аспектами воспроизводства на самых разных уровнях (макро-, мезо-, микро) и повышении именно на этой основе эффективности *управленческих* решений. Конкурентоспособность *национальных* экономик и обществ все больше смещается в *социальное поле*, в уровень развития, социальные качества и структуру человеческого потенциала, а успешные компании, стремясь сохранить и укрепить рыночные позиции, все чаще обращаются к тем или иным *социальным* ресурсам экономического преуспеяния (инвестициям в переобучение работников, организационной культуре, деловой репутации, брендам, созданию устойчивых связей с клиентами, социальной активности и пр.). В принципе, тесная взаимосвязь между экономическими и социальными аспектами развития существует независимо от того, учитывается ли она в управленческих стратегиях или нет. Однако ее игнорирование либо неадекватный учет ведут к неэффективному использованию ограниченных экономических и социальных ресурсов, экономическим и социальным потерям и в конечном счете – к ослаблению конкурентоспособности систем разных уровней и типов, будь то компании, отдельные территории (города, села, регионы), сектора/сферы (высокотехнологичный комплекс, аграрный сектор, здравоохранение, образование, наука и др.) или национальная хозяйственная система и общество в целом.

Так, именно из-за несистемной и «автономной» постановки вопроса у управленцев макроуровня возникает представление о том, что рождаемость можно повысить («купить») благодаря высоким ценам на нефть [При этом игнорируется *социальный* состав женщин, которые активнее других откликнутся на предложенные *экономические* стимулы, не просчитываются *экономические* последствия их репродуктивного поведения в средне- и долгосрочной перспективе, включая «сдвиги календаря рождений» и пр.]. Ситуация же с пенсионным обеспечением и вовсе выглядит благополучной, если предположить (как г-н Зурабов в 2007 году), что мужчины и дальше будут доживать лишь до 59 лет. При «бессистемной» и ситуационной постановке вопроса резко сужается круг акторов, допускаемых чиновниками к обсуждению целей, приоритетов и механизмов социальной политики, что сказывается на ее результативности. В частности, бизнес-сообщество вообще выпадает из этого круга. Будто его дело – только платить налоги и послушно откликаться на

«просьбы» властей, которые могут совершенно произвольно указать, сколько денег и на какие социальные цели оно должно выделить. В современной России выработку управленческих стратегий на *системной* основе актуализирует ряд практических вызовов и проблем, релевантных как в социальном, так и в экономическом отношениях (ухудшение здоровья населения, высокая смертность и травматизм в результате ДТП, алкоголизация населения, наркотизация молодежи, беспризорничество детей и пр.). Перечень таких примеров легко продолжить.

Знание характера взаимосвязи (степени автономности) экономических и социальных факторов развития обретает особую (и долгосрочную) актуальность в связи с постепенным переходом органов управления к бюджетированию, ориентированному на *конечный* результат. Так, финансируя сегодня здравоохранение на уровне 3–3,5 % ВВП (то есть вдвое ниже, чем рекомендует ВОЗ), важно предвидеть тот *экономический* ущерб, который принесет такая «экономия» в более или менее отдаленной перспективе (как и то, что простым вливанием в здравоохранение средств тревожную ситуацию не переломить). С учетом будущего экономического ущерба (преждевременная смертность трудоспособного населения по устранимым причинам, пособия по инвалидности и болезни и пр.) у сегодняшней «экономии» велики шансы обернутся потерями, транжирством. Важной экспертно-аналитической областью становится *комплексная* оценка последствий введения *платных* услуг в ряде отраслей социальной сферы (образовании, здравоохранении и пр.), равно как оценка эффективности государственных расходов на *бесплатные* услуги. В частности, при расширении спектра платных услуг важно учитывать те потери, с которыми через какое-то время столкнется экономика из-за ухудшения состояния здоровья ряда групп занятого населения, снижения доступности качественного образования, разрушения науки и др. Этим потерям необходимо дать количественную оценку уже сегодня. Поскольку узких мест в социальной сфере всегда огромное множество, а экономические ресурсы в каждый момент времени ограничены, то актуализируется *экономическая* оценка разного рода *социальных* процессов.

2. Акцентирование *социальных* целей и *социальных* ресурсов хозяйственного развития (культурных, социоструктурных, социально-психологических и др.) требует от лиц, принимающих управленческие решения, принципиально иных компетенций и усилий, *иных стратегий* взаимодействия с основными заинтересованными сторонами, включая коммуникационную компоненту (выявление интересов и ресурсов разных групп, корректировка их запросов в ходе обмена информацией, политика убеждений-разъяснений, поиск компромиссов и достижение добровольных конвенций на интерактивной основе). В

частности, в современной России адекватный ответ на обозначенные практические вызовы возможен лишь в случае преодоления (ослабления) ряда сугубо *коммуникационных* барьеров разной природы. Основные из них: слабые связи между представителями разных общественных наук; между наукой и управлением, наукой и бизнесом; слабые связи образования с наукой и практикой, власти с бизнесом и обществом, включая низкие шансы ученых и делового сообщества быть услышанными российской властью, связанные с ее специфическим качеством и слабостью гражданских структур и др.

Остановлюсь на основных из них.

3. *Слабые связи между представителями разных общественных наук*, препятствующие разработке адекватного *экспертного* знания на *междисциплинарной* основе. Несмотря на позитивные сдвиги в последние два десятилетия, формирование научного знания, открывающего новые перспективы для своевременного и адекватного ответа на актуальные *практические* запросы, продолжает оставаться нерешенной задачей. Диалог между экономистами и не экономистами остается весьма слабым. Участившиеся заявления экономистов о необходимости учета в исследованиях более широкого социального контекста, инкорпорирования в экономический анализ достижений других наук, как правило, остаются «благими намерениями», по существу обретающими ритуальный характер. Представители же других общественных наук (социологии, психологии и др.), со своей стороны подходу к социально-экономическим проблемам, явно недоучитывают возможностей *экономического* подхода. В связи с этим преимущества *междисциплинарной* интеграции – даже в тех случаях, когда они провозглашаются (например, предложенная Эпциони платформа-минимум для Международного общества развития социэкономике), сильно недоиспользуются и нередко мало очевидны. Возникшая на стыке разных научных дисциплин *социэкономика* сегодня находится в стадии становления и поиска концептуального ядра, апробируя *разные* версии своего развития: от сдержанного отношения к возможностям экономического подхода до придания ему главенствующей роли [7-10; 3-6].

В поиске *оснований междисциплинарных взаимодействий*, которые содействовали бы продвижению на пути формирования научного (и экспертного) знания, открывающего новые перспективы для своевременного и адекватного ответа на актуальные социальные запросы, мы предложили следующее определение социэкономике. *Социэкономика* изучает характер и закономерности *двусторонних* связей между экономическими и социальными аспектами воспроизводства хозяйственных систем разных видов (от фирм и домохозяйств до общества в целом) и пытается дать (там, где это возможно и необходимо) *экономическую* оценку этим связям на основе сопоставления широко понимаемых затрат и результатов, и учета

определенных *социальных ограничений*. Широкая трактовка затрат и результатов предполагает учет не только экономической, но и *социальной* компоненты, которой также, по возможности, дается экономическая оценка. Пытаясь соизмерять экономические и социальные *издержки* с экономическими и социальными *выгодами*, социэкономика постоянно переводит экономические издержки и выгоды в социальные издержки и обретенные, и наоборот.

Она базируется на следующих принципах:

(1) *Системный подход как основа методологических позиций*: любой социально-экономический объект представляется как *целостная открытая система*, экономические и социальные аспекты функционирования (развития) которой тесно связаны друг с другом, но в то же время наделены собственной логикой изменения (развития) в пространстве и времени. Когда в практике управленческих воздействий характер и закономерности этих связей не учитываются или учитываются не в полной мере, это приводит к тому, что система в лучшем случае остается индифферентной к тем или иным управленческим воздействиям, а в худшем – реагирует на них нежелательным (неожиданным) образом. Нет необходимости говорить о том, сколь неэффективно в этих случаях расходуются экономические и социальные ресурсы общества и отдельных экономических акторов;

(2) *Учет двустороннего характера* связи между экономическими и социальными аспектами жизнедеятельности: на макроуровне эта предпосылка отражает весьма очевидную связь между экономикой и социумом. Экономика, развитая до определенного уровня, «поставляет» ресурсы для функционирования (развития) социума и его членов. Объемы и характер (эффективность) распределения доступных экономических ресурсов влияют на развитие образования, здравоохранения, права, уровень и качество жизни разных социальных и профессиональных групп, возможности их мобильности и др. В свою очередь, качество «воспроизведенных» при данных экономических ограничениях людей, культура общества, его социальная структура в следующий момент времени в значительной степени определяют уровень (пределы) и параметры экономического развития. Аналогичные зависимости между экономическими и социальными аспектами воспроизводства характерны и для систем более *низких* уровней: отдельных территорий, секторов, сфер или фирм;

(3) *Обращение к инструменту экономических оценок изучаемых связей, социальных процессов и явлений*, что а) помогает более глубоко осмыслить характер и закономерности двусторонних связей между экономическими и социальными аспектами воспроизводства (развития); б) позволяет лицам, заинтересованным в ослаблении тех или иных проблем, оценить их масштабы и своевременно принять грамотные управленческие решения в

соответствующих сферах; в) помогает повысить уровень *массового* осознания той или иной проблемы (отдельными социальными группами и обществом в целом); г) создает заслон импровизациям той части бюрократии, которая руководствуется частными интересами, повышает прозрачность управленческих решений.

Значимость экономических оценок не стоит ни преуменьшать, ни преувеличивать. Так, отказ от денежной оценки социальных ресурсов (потерь) по «морально-этическим соображениям» может приводить к непоправимым *социальным* последствиям. Морально-этические соображения о *бесценности* человеческой жизни на практике нередко оборачиваются (подменяются) представлениями о *бесплатности* этой жизни, весьма выгодными ряду российских управленцев. Ведь если жизнь человека ничего не стоит, к чему тогда делать значительные затраты на обеспечение ее безопасности?! В ряде развитых стран оценки стоимости человеческой жизни уже давно выступают важным элементом *экономической* политики, обуславливающим серьезный *социальный* эффект [11: 5-76]. В то же время не все связи, которые важно учитывать при выработке той или иной политики, поддаются экономической оценке (напр., рост спроса на *нематериальные* блага по мере роста благосостояния) или нуждаются в такой оценке (напр., поиск наименее затратного способа достижения *конкретно поставленной цели* в региональной политике по увеличению продолжительности жизни местного населения).

Подсчитывая экономические выигрыши и потери от реализации тех или иных социально-экономических стратегий, необходимо учитывать также и определенные *социальные ограничения*. Например, с чисто экономической точки зрения может оказаться не оправданным повышение уровня и качества жизни пенсионеров или инвалидов. Вопросом социального согласия, а значит, и ограничением при выборе экономической стратегии, призваны выступать и сложившиеся в обществе представления о социально справедливой дифференциации доходов и допустимой степени вмешательства государства в их перераспределение. Так, по модельным расчетам Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, россияне находят справедливыми (принимают) неравенства в 5–9 раз. Между тем, по официальным данным, децильный коэффициент дифференциации доходов составляет 15–16 раз, а в действительности он в 2,5–3 раза больше.

(4) Признание социального характера экономического действия: индивидуальный выбор формируется не только под воздействием рационального личного интереса, преследования эгоистических интересов или поиска удовольствий; важное значение имеют ценностные ориентации индивидов, разделяемые ими культурные и моральные нормы, эмоции, знания, масштабы и структура доступных ресурсов и др. Так, статус (статусный набор) индивидов в

значительной степени определяет объем и структуру доступных ресурсов, требуемых экономических издержек и доступных благ. Значительно различается ресурсный потенциал жителей малых сел и столиц, представителей трудоизбыточных и трудонедостаточных регионов, мужчин и женщин, молодых и пожилых, высоко и малообразованных и пр. [1: 389-390]. Статусные различия сказываются и на возможностях *безнаказанно* нарушать формально-правовые нормы в экономической сфере, как и на строгости санкций за отклонение от этих норм, а следовательно, и на соотношении затрат и результатов. Слаборесурсные группы наказываются чаще и строже высокоресурсных;

(5) Акцент на экономический подход к социальным процессам и проблемам (экономически релевантным и экономически обусловленным) на фоне междисциплинарности научных позиций: экономический подход не единственный, но обязательный. В зависимости от класса решаемых задач в одних случаях его следует сочетать с социологическим подходом, в других – с социально-психологическим, в-третьих, с достижениями демографической науки или нескольких социальных наук. Так что успешность развития этого, востребованного практикой научного направления в значительной степени зависит от перспектив преодоления (ослабления) все еще сильных *коммуникационных барьеров* между экономистами и представителями других общественных наук.

(6) Установка на доведение результатов теоретических построений до практических рекомендаций. Родившись в ответ на практические запросы, социэкономика не ограничивается ответом на традиционный для прикладного научного знания вопрос «*что будет, если ...*», а стремится обосновать, *что нужно делать* акторам разных уровней для того, чтобы достичь определенных результатов. Прикладная функция социэкономии состоит в том, чтобы вооружить лиц, принимающих стратегические решения, *целостной* картиной состояния дел в соответствующей сфере и последствий сохранения статус-кво, показать потенциал разных акторов в решении (ослаблении) данной проблемы на основе *системного* ее осмысления, пути активизации этого потенциала и повышения на этой основе эффективности использования ограниченных ресурсов (как экономических, так и социальных).

3. *Слабые коммуникации между наукой и управлением, наукой и бизнесом*. Какими бы обоснованными не были добытые социэкономикой данные о масштабах проблемы, какой бы доказательной не была даваемая ею оценка социального и экономического ущерба, наносимого теми или иными процессами (политикой) обществу (фирмам и пр.), какими бы аргументированными не были предлагаемые мероприятия, которые смогут ослабить

проблему, окончательное решение принимают все же не ученые, а управленцы. Важнейший барьер на пути повышения эффективности управленческой деятельности – *незаинтересованность (слабая заинтересованность) управленцев разных уровней* в решении назревших социально-экономических проблем или выстраивании таких социально-экономических стратегий, которые позволят избежать этих проблем в *средне- и долгосрочной* перспективе. Между воздействием экономических факторов на социальные и обратным воздействием вторых на первые часто проходит немало времени, что снижает энтузиазм чиновников, заинтересованных в сиюминутных результатах (временническая позиция). [Не случайно по *Индексу управления*, разрабатываемому известным германским Фондом Бертельсмана для 128 развивающихся и трансформирующихся стран, Россия сегодня занимает 107 место и отнесена к типу стран *со слабым управлением*] [2: 157,159].

4. *Слабые связи власти с бизнесом и обществом.* Этот барьер имеет сложную природу, обусловленную социоструктурными, институциональными и прочими факторами, ослабление которых требует постепенных и комплексных воздействий средствами социально-экономической политики на всех потенциальных и реальных акторов. Факторы, сдерживающие конструктивную реакцию управленцев на вызовы практики, по своей природе весьма разнообразны. В современной России среди них: относительно низкий уровень жизни и невысокие притязания массовых групп населения, сформировавшиеся еще в советский период и сохраняющиеся поныне; долготерпение как национальная черта; низкий протестный потенциал, неразвитость структур гражданского общества, а также свободной и влиятельной прессы; отсутствие независимого парламента, особое качество правящего класса, отличающее его от *рациональной* бюрократии стран с развитой демократией и рынком. На неготовности бюрократии к диалогу с обществом, как и на качестве институциональной среды, сказывается и то, что Россия сталкивается с проблемой, которая в научных кругах зовется «нефтяным проклятием».

5. *Слабые связи между наукой и практикой, с одной стороны, и образованием, с другой.* На управленческих факультетах недостаточное место уделяется формированию у студентов навыков и компетенций в области *системного* анализа социально-экономических процессов и проблем, выделения и осмысления *двусторонних* связей между *экономическими* и *социальными* аспектами воспроизводства различных систем, будь то компании, отдельные территории, сектора/сферы или национальная хозяйственная система / общество в целом. Что касается *экономистов*, то их слабая готовность к междисциплинарной интеграции подкрепляется доминированием в университетском образовании неоклассики, а также сильной «стратификацией» различных направлений современной экономической науки (чего

нет в других общественных науках). Преподавание же *смежных дисциплин* на тех или иных «*непрофильных*» факультетах редко сопровождается специальными усилиями по интеграции этого знания в систему основных компетенций будущих аналитиков и управленцев. Все это препятствует тому, чтобы будущие управленцы и аналитики осознавали ограничения своих подходов (позиций), были готовы «услышать» представителей других наук и сотрудничать с ними.

Таким образом, природа коммуникационных барьеров, препятствующих развитию современных управленческих практик в России, весьма различна. В большинстве своем они представляются *глубоко социально «укорененными»*. Для адекватного ответа на вызовы современности нужны определенные институциональные условия (развитие властных и рыночных институтов, науки и образования, элементов гражданского общества, включая СМИ, бизнес-структуры и др.). И, безусловно, (может быть, даже в первую очередь) нужна политическая воля.

Примечания

1. Заславская Т. И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. – М., 2004.
2. Индекс трансформации Фонда Бертельсмана. 2010 / пер. с нем. Е. С. Кузнецовой. – М., 2010.
3. Шабанова М. А. Социэкономика как наука и новая учебная дисциплина // Мир России. – 2006. – №4.
4. Шабанова М. А. Социэкономика и современность: о пользе и рисках экспансии экономического подхода // Общественные науки и современность. – 2010. – №4.
5. Шабанова М. А. Новые вызовы практики и потенциал социэкономии // SPERO. – 2010. – №12.
6. Шабанова М. А. Социэкономика (для экономистов, менеджеров, госслужащих). – М., 2012. .
7. Boyer R. The quest for theoretical foundations of socio-economics: epistemology, methodology or ontology? // Socio-Economic Review. – 2008. – №6.
8. Etzioni A. Toward a new socio-economic paradigm // Socio-Economic Review. – 2003. – №1.
9. Hollingsworth R., Müller K. Transforming socio-economics with a new epistemology // Socio-Economic Review. – 2008. – №6.
10. Keizer P. A socio-economic framework of interpretation and analysis // International Journal of Social Economics. – 2005. – Vol. 32. – №1/2.

11. Viscusi W. K., Aldy J.E. The Value of a Statistical Life: A Critical Review of Market Estimates Throughout the World // *The Journal of Risk and Uncertainty*. – 2003. – Vol. 27. – №1.